Люк был в своем офисе до рассвета следующего утра, Рис вошел с депешами, когда рабочий день начался несколькими часами позже, как он обычно делал, как только они были доступны. «Доброе утро, ваше превосходительство; депеши. Также ваше…» Рис имел здравый смысл остановить себя, прежде чем он даже попытался пойти дальше, «леди Кирия прислала ей комплимент сегодня утром и попросила аудиенции… возможно, обед?»

Люк не поднял глаз: «Передайте ей мои комплименты и извинения. Перенаправьте ее к секретарю по социальным вопросам и попросите его назначить встречу в какой-то момент». Рис колебался: «Я подумал, возможно, учитывая ее положение, можно было бы пойти на определенные уступки». «Хорошо, сделай это на этой неделе». «… Я представлял себе большие уступки, чем это, сэр». - сухо сказал Рис. «Я думаю, что на данный момент мы сделали достаточно уступок леди Кирии». Глаза Люка и его внимание были прикованы к работе, когда он вставлял новый чип данных в свой считыватель.

Он знал о продолжающемся присутствии Веза, но не поднял глаз, вместо этого наблюдая за отражением своего помощника на полированной поверхности его стола, когда Вез облизнул губы, прежде чем продолжить. «Между прочим, у меня действительно возник вопрос относительно окончательной формулировки соглашения Д'Арка», - небрежно добавил Рис. «Я отметил, что леди Кирию следует признать императрицей-консорт, и поинтересовался, не желаете ли вы, чтобы я это исправил». "Исправить, почему?" Рис помедлил секунду: «Я просто подумал, нужен ли такой пункт. Поскольку леди Кирия не указана в очереди на преемственность, это показалось бы мелочью…» «Вы хотите, чтобы я убрал пункт, разъясняющий будущую линию наследования Империи, из опасения, что это покажется мелочью?» Люк не поднял глаз, его голос был спокойным и отстраненным, как будто он был наполовину заинтересован в разговоре.

"Нет, сэр..." «Потому что у меня создалось впечатление, что признание Кирии Д'Арка в качестве императрицы-регнант также признает ее потенциальной правительницей в мое отсутствие». Вез колебался, явно удивленный тем, что Люк знал о таких условностях, не зная, что именно его собственные действия заставили Люка научиться такой уверенности в себе. «… Это верно, сэр… однако, если леди Кирия не указана в официальной линии преемственности…» «Предполагая, что документы, относящиеся к официальной линии преемственности, станут доступными в случае необходимости». «… Я не могу представить, почему они этого не сделали».

«Я тоже не могу - но тогда я не могу себе представить, почему этот момент настолько важен, что вы потрудились поднять его прямо сейчас». «В связи с этим, сэр, я действительно хотел указать, что сегодня утром я пытался получить доступ к документам о правопреемстве в связи с соглашением Д'Арка, и они, похоже, были удалены из частного узла доступа». «Я запер документы», - просто сказал Люк, наконец подняв глаза, понимая, что Вез аккуратно уклонился от ответа. Тем не менее, он обнадеживающе улыбнулся, излучая легкую уверенность в Силе. «Ничего не изменилось, Wez - они все еще находятся на кодированном узле в моем кабинете министров.

Я только что решил убрать их из частного узла доступа - слишком много людей могут его получить». «Двенадцать человек могут получить доступ к этому узлу, сэр». «Я считаю, что это слишком много. Документы остаются в офисном центре кабинета министров, поэтому к ним можно получить доступ, когда это необходимо». Хаб в кабинете Люка в Кабинете министров был самой защищенной из всех баз данных. Без точки доступа, кроме стола в офисе Люка, ДНК была закодирована только для шести человек, кроме Люка, что требовало трех из этих шести отдельных кодов для доступа к нему без разрешения Люка, что фактически означало, что если бы Люка не было, этот самый полный База данных могла быть разблокирована только с

согласия трех из шести членов его внутреннего Совета.

Даже тогда существовало бесчисленное количество кодов для доступа к отдельным документам, пароли, которые Люк раздавал с осторожностью относительно того, кто предположительно будет использовать их или злоупотреблять ими, ес Охраняемые привычки продиктовали действия Люка, и этот факт постоянно раздражал его, но никогда не настолько, чтобы он был готов отказаться от логики, просто чтобы выставлять напоказ их. Еще больше его раздражало то, что его старый Учитель был прав; Доказательством этого был Вез Рис, бывший союзник, у которого хватило наглости спокойно стоять перед Люком прямо сейчас и полагать, что он может солгать ситху.

Наконец, в последний раз его раздражало то, что благодаря своему старому Учителю он был в равной степени способен на то же самое, встречая взгляд Веза с такой же пустой дружелюбностью и хладнокровием. "Что-нибудь еще?" Он почувствовал, как Рис, и понял, что это небольшое отступление не было причиной, по которой мужчина вошел. «Депеши сегодня утром, сэр; я проверял и наткнулся на коммюнике от капитана Толеми из SSD Spur. Это была закодированная передача, и я, похоже, не получил расшифровки. Я пытался прояснить ситуацию с капитаном Толеми, но был сообщил, что коммюнике носит конфиденциальный характер ".

В тоне Веза был едва заметный намек на вопрос, но Люк молчал, снова глядя на свои депеши, пока он вытаскивал отчет Толеми, ища заверений в том, что луна-заповедник не пострадала от обломков и радиоактивных осадков. Никаких повреждений не понесено; Генераторы щита, первоначально разработанные для защиты Звезды Смерти, были успешно перевернуты и фазированы специальным отрядом, который Люк установил на борту «Шпоры». Хотя Люк ни разу не ступил на поверхность зеленого сине-зеленого Эндора, каждую ночь, когда он спал на борту чудовища, которое его старый Учитель с удовольствием строил, он ощущал яркую волну жизни от хрупкая луна, вспышка ментального цвета, просачивающаяся сквозь бесконечную свинцово-серую новую игрушку Палпатина.

Рис ждал, глядя на Императора, ожидая какой-то реакции, пока он изучал отчет. Ничего подобного не последовало, но Вез был достаточно знаком со своим Императором, поэтому молчание его не так легко пустило бы под откос, и поэтому попробовал еще раз. «Что кажется странным, так это то, что« Шпора »в настоящее время находится далеко за пределами параметров своего маршрута миссии - почти в двух световых годах от Эндора. Когда я спросил капитана о его позиции, он снова сообщил мне, что он находится под руководством более высокого авторитета и не может сделать комментарий ".

Наконец Люк поднял глаза, осознавая тот факт, что его блеф был уравновешен; единственным высшим авторитетом, чем Вез, был сам Император. «Капитан Толеми действовал по моим указаниям. Отчет, который он вернулся, должен подтвердить, что Проект Редресс был уничтожен. Вот почему он больше не находился на орбите вокруг Эндора». Не было смысла скрывать это от Веза; несмотря на свои недавние действия, он остался в своем привилегированном положении по выбору Люка, и, несмотря на наложенные невидимые ограничения, Вез все еще имел доступ к высокоуровневой информации о Флоте, что Люк разрешил, потому что, несмотря на опасения Мары, он все еще был абсолютно уверен в том, что Вез будет действовать в интересах Империи - и в частном порядке он все еще надеялся, что сможет отвратить Веза от его нынешнего курса.

Но если человек был намерен предать Луку, он предпочел бы его и дело с теперь , чем у него гноится. Вез жил в одолженное время, что позволяло ему из-за их прошлой истории и потому, что Люк не хотел, чтобы его видели, чтобы он напал на своего старшего помощника без

материальных доказательств, которые другие в его кабинете, особенно Натан, могли понять. Мара, конечно, думала, что он сошел с ума, и в частном порядке были моменты, когда Люк соглашался с ней, но все же, если бы он мог, Люк хотел вытащить Веза из того, что было до сих пор несколькими отдельными неосторожными действиями, а он не мог и не хотел сделать это, откровенно солгав своему главному помощнику;

Вез был слишком умен, а Люк слишком упрям для этого. Мужчина моргнул, пытаясь удержать самообладание. «Проект« Редресс »… это подтверждено? Как это произошло - и почему капитан Толеми не здесь, чтобы лично ответить на свой провал?» «Это произошло по моему приказу, за которым в письме последовал капитан Толемей. Проект возмещения ущерба выполнил его требования и был не более чем истощением имперских ресурсов. "Вы приказали уничтожить вторую Звезду Смерти?" «По моим причинам и для выполнения большего плана, да. Я отдал его мятежникам - или, скорее, я дал координаты Лее Органе на нашей последней встрече». Вез долгие секунды смотрел вниз, и Люк знал, что мужчина пытается сдержать себя. "Чтобы получить что?" "Доверять."

«Вы дали ей координаты проекта« Возмещение »... что, если бы восстание проявилось в силе? Что, если бы они реквизировали его, завершили его?» «Это никогда не было вариантом. Я сказал ей, когда дал ей координаты, которые она не может никому сообщить, и я ... доверил ей придерживаться этого. Я уже говорил, что знаю ее; я знаю, как она» Я буду действовать, и что она будет поддерживать доверие, оказанное ей лично, даже со стороны меня, поэтому она пойдет одна.В передаче о безопасном проходе, которую я дал ей для входа в область, был код самоуничтожения Звезды Смерти.

Даже если бы они отделили его и использовали только код безопасного входа, это бы предупредило капитана Толеми, который немедленно передал бы этот факт, как было приказано, и я бы инициировал самоуничтожение прямо с Корусанта. любой вопрос о том, что они пытаются вернуться и взять под свой контроль Project Redress. Это всегда рассматривалось как жест доброй воли,не подарок, который нужно сохранить, и уж точно не тот, который они когда-либо имели бы возможность использовать против нас ". «Вы дали им единственное, что могло их эффективно удалить?» «Она никогда не могла этого сделать, просто казалось, что у нее есть такой потенциал. Вот почему я дал ей это - потому что она тоже увидит эту опасность». "Звезда Смерти имела огромный потенциал ..."

"Нет, не было". Люк говорил твердо, но без вражды. В прошлом его судили по его собственным действиям без всяких фактов; если бы окружающие пришли к преждевременным выводам. Он не стал бы делать с Везом того, что сам перенес от рук других; не стал бы звонить тем, кто сделал это с ним, пока он делал то же самое. «Это никогда не могло быть чем-то другим, Рис, раздутая реликвия, которая только спровоцировала бы еще большее восстание. Еще одна из снисходительных схем Палпатина, которые никогда не могли быть тем, во что он слепо верил». «Это могло сработать как часть большего плана».

"И это произошло. Это было решающим фактором ... как часть более великого плана. Теперь мы идем дальше - мы строим на том, что принесла нам Звезда Смерти. Мы убираем ветер с парусов восстания, украв их гром по частям. время; отрицая принципы, по которым они сражаются, как часть более крупного плана, часть долгосрочного плана. Вы это знаете. Мы можем в значительной степени поставить Лею Органу и ее восстание в невыносимое положение, приняв некоторые из конституционных свобод они борются за. На наших условиях и по нашему собственному графику.

Мы вносим эти изменения, и Альянс повстанцев становится не чем иным, как маргинализированным, избыточным партизанским отрядом, который не будет испытывать

симпатии к населению в целом. Я всегда говорил вам что я сделаю это - что я буду получать их поддержку по частям, если мне нужно будет ». Вез приподнял подбородок: «Я не припомню, чтобы вы уверяли меня, что любое из этих безвозмездных пособий, уже предусмотренных конституцией, будет отменено в будущем».

Люк заколебался; он сделал это? Если он сказал Везу правду, внушил ли он доверие или просто оттолкнул его? В конце концов, это не имело большого значения - потому что Вез заслужил эту возможность искупить свою вину; Люк был ему в долгу. После всего, в чем он обвинял других, теперь, когда он оказался в том же положении, что и один из своих, и не хотел оглядываться назад и подвергать сомнению свой ответ. Стоял Вез или падал, это должно быть правдой. «Если мы придерживаемся своего правила и поддерживаем порядок, тогда зачем нужны отказы?» Вез молчал, сжав губы в узкую линию. «Вез, Империя в ее нынешнем виде неустойчива. Все, что требует огромных вооруженных сил, чтобы удержать власть, в принципе несостоятельно. Вы это знаете». «Империя завершила гражданскую войну и поддерживает мир почти три десятилетия ...»

«Да. Но времена меняются, и Палпатин не позволил своей Империи измениться вместе с ними. Пора это исправить». Глаза Веза ожесточились: «Скажи мне, что ты не собираешься идти на сделку с восстанием?» «В нынешнем виде - нет. Никогда. У меня есть очень конкретные требования Североатлантического союза до того, как можно будет даже начать обсуждение переговоров - и всегда на моих условиях». Альянс; не восстание, а Альянс. Оговорка или непреднамеренное признание? «Неужели все это время это было правдой, - подумал Вез? Несмотря ни на что, всегда ли Скайуокер в глубине души сочувствовал восстанию? "Я вижу." - монотонно сказал Вез, медленно кивая головой.

«Вы не согласны». «Ты никогда раньше не говорил, что это было твоим намерением». «Я сказал, что моим намерением было подавить восстание и стабилизировать Империю. Это все еще так». «Я сомневаюсь в ваших методах, ваше превосходительство, а не в ваших мотивах». «Я не распадаю Империю, Вез, и не передаю ее мятежникам - я бы никогда этого не сделал. Вы сами сказали, что нам нужно двигаться вперед - вот как мы это делаем». «Заключение сделки с восстанием не...» «Я не сказал, что буду иметь дело с восстанием». «Тем не менее, вы говорите с Леей Органой».

«По моим причинам и в моих собственных целях - цели, которые я вам только что объяснил». «Если бы вы считали, что это стабилизирует вашу Империю, Ваше Превосходительство... вы бы вели с ними переговоры?» « Если вы поверили» ... другими словами, «хотя и ошибочно» ; Люк почти слышал, как это говорил Вез. «Я не позволю им оставаться в их нынешней форме, Вез. То, что я делаю сейчас, так или иначе обеспечит это.

И нет, я не сомневаюсь в применении силы, если...» Люк остановился, и Вез знал свою ошибку; если «Скажите мне еще раз, ваше превосходительство, что вы не собираетесь заключать с ними сделку». Люк приподнял подбородок, отказываясь уступить. «Я скажу вам еще раз то, что я только что сказал; в их нынешнем виде нет. Абсолютно нет». Вез вздохнул, глядя вниз, явно не убежденный, поэтому Люк попытался снова. «Я знаю, что ты хочешь делать то, что ты считаешь правильным для Империи Вез... Я не понимаю, почему ты вдруг не веришь, что я думаю то же самое». "Вы?" "Я никогда не передам Империю Альянсу повстанцев - это означало бы ввергнуть ее в гражданскую войну, и я никогдасделай это. Я никогда не подпишу и не стану частью какого-либо договора, который разрушит эту Империю или подпитывает тех, кто будет делать то же самое. Об этом нет и речи.

Но восстание невозможно победить. Вез поднял подбородок, но Люк продолжал, открывая перед ним руку. По самой своей природе он не может быть запрещен, и его нельзя удалить,

потому что он всегда будет возвращаться в той или иной форме. Пока люди чувствуют, что у них нет голоса, они будут бунтовать, пока люди будут чувствовать, что у них нет выбора, они будут сражаться. Я мог бы уничтожить всех до последнего члена каждой фракции завтра - и поверьте мне, это заманчивое предложение, - но они вернутся в большем количестве в течение года. Новые люди с теми же идеалами, люди, которые верят, что единственный выход, который им остается, - это восстание.

Как мне с этим справиться - скажите вы мне? " "Военный..." «Что? Я уже говорил, дайте мне цель, и я отдам приказ. Они разбросаны, разбиты на небольшие отряды; я знаю, я точно знаю, как они сражаются». «Вы могли бы вытащить их; вытащить их на открытое пространство, соблазнить их одним действием». «А потом, когда сформируется следующая волна, и они будут выкрикивать имена предполагаемых мучеников, которых мы создали?» Вез напрягся: «Мы делаем это снова». "И снова, и снова. Это не ответ; это даже не отсрочка - во всяком случае, это эскалация. Дайте мне решение, Вез - потому что у меня нет другого пути, кроме того пути, которым я иду. Я пытаясь удержать Империю вместе, я пытаюсь продвигать ее вперед. Я изо всех сил стараюсь не предать треть ее граждан на смерть как предателей, когда все, что они хотят, - это справедливая конституция.

Я пытаюсь заставить Империю все, что могло быть; реализовать потенциал, который все видели, когда закончились Войны клонов. И для этого мне нужно, чтобы ты был со мной - мне нужно твое видение, мне нужны твои способности и твоя вера ». Во многих отношениях Вез знал, что смотрит - спорит с - идеальным Императором; Скайуокер был сообразительным, проницательным и убедительным; у него было долгосрочное видение, и у него была решимость, стремление и прагматизм, чтобы найти или создать способ претворить это видение в жизнь. Но в других он был далекодалекослишком умеренно.

Вез никогда по-настоящему не одобрял чрезмерное ослабление существующих законов, которые десятилетиями хорошо служили Империи, и Скайуокер знал это, несмотря на очевидные преимущества, которые они принесли в искоренении противников и недоброжелателей. Реконструкция правовой системы, которую он мог понять на этих условиях, но статуты о равенстве и свободе слова были совершенно неоправданными и очень тщательно размещенными; слишком тщательно продуманный и идеально сформулированный, чтобы когда-либо быть временной шарадой; он должен был увидеть это в то время.

На самом деле он имел - но как всегда убедительный, Скайуокер выдвинул сотню разумных, рациональных мотивов, чтобы поддержать их - и Вез пропустил это... и позволил этому пройти, и позволил этому пройти. Он только раз кивнул, опустив глаза: «Вы имеете мою преданность, сэр, и мою поддержку. Вы всегда были». Император издал протяжный низкий вздох, и Вез на долю секунды задумался, видел ли он правду в Силе, но Сате Пестаж всегда уверял его, что Скайуокер сочтет его нечитаемым, а сам Скайуокер часто заверял Веза в том, что то же самое, если бы Вез когда-нибудь столкнулся с Палпатином. Теперь новый Император тихо сказал: «Я ценю и то, и другое - я думаю, больше, чем вы думаете». «Спасибо, сэр», - попятился Вез к двери. "Если вы меня извините?"

Скайуокер кивнул, и Вез отступил. Его последний взгляд на Императора, когда тяжелые двери разделяли их, был его характерными несовпадающими глазами, сбивающими с толку своей пронзительной силой. . . Вез повернулся и быстро пошел по широкому коридору, направляясь к своему кабинету в Кабинете, хлопнув дверью, прежде чем он прошел, и откинулся назад, чтобы опереться на запечатанные двери, с закрытыми глазами, с затрудненным дыханием. Так оно и было - только нет; полное объяснение без единого факта, которое мог сделать только Император. Еще одна проповедь, чтобы успокоить верующих, способ мягко сообщить Везу, что единственное наиболее эффективное средство подавления восстания было уничтожено - не

меньше, по приказу самого Императора! Он знал - он знал , что что-то происходит в тот момент, когда он не мог получить эту чертову информацию от Толеми; Это не входило в общую компетенцию Spur - уйти так далеко.

Он пытался получить от капитана-разрушителя больше, но Толеми был полностью предан Императору и, конечно же, придерживался его приказа ни с кем не разговаривать, изданного самим Императором. Толеми был непоколебимым сторонником нового Императора, и, как только ему было поручено защищать его, он стал сдержанным хулителем Звезды Смерти, рассматривая ее, как и Император, как огромную реликвию правления Палпатина, неуклюжую динозавр расходился с быстрым реактивным флотом, который поддерживал новый Император. То, что на него была возложена обязанность защищать его, в то время показалось Рису странным, хотя он ни на минуту не рассматривал эту возможность. Он должен был знать - он должен был знать!

Скайуокер не проявлял интереса к Звезде Смерти после смерти Палпатина, сохраняя ее конфиденциальность, но приостановив все работы и фактически отказавшись от огромной боевой станции, переведя ее в статус «резервной», оставив непревзойденную военную структуру, которую он помогал построить, охраняемой, но вышедшие из употребления, предназначенные для дублирования, не произведя ни единого взрыва. Вез зналкак сильно Скайуокер всегда ненавидел опус Палпатина, часто называя его безумием старого Императора, но это… это было в высшей степени возмутительным.

Это было оружие, которое однозначно могло положить конец восстанию. Скайуокер никогда так не думал - не раз говорил это Палпатину, - но Вез знал его; если бы он хотел поднять «Звезду Смерти» на действительную службу, он нашел бы способ. Он бы аккуратно увязал это с другими планами, как и многое другое. Если он этого не сделал, то это было по собственному желанию - все, что он делал, было по собственному желанию. Все. Да, Звезда Смерти была нагло переоценена, чрезмерный памятник преувеличенным преувеличениям Палпатина, но Скайуокер мог заставить ее работать как авангард флота.

Он олицетворял силу, средства и решимость старой Империи, и, зная Императора таким же образом, зная его постоянный баланс между честностью и запугиванием, между честностью и инсинуациями, между угрозой и компромиссом, Скайуокер мог заставить его работать. Он решил не делать этого - он решил отказаться от принципов истинной Империи и преследовать свои собственные цели. Из-за Скайуокера это была не та Империя, которую хотел Вез, не тот путь, который он планировал, и теперь ... теперь он почти признал, что «мошеннический» диалог с Органой и, следовательно, ее восстание были подлинными - возможно, даже прелюдией к узакониванию говорит!

Вез покачал головой, прислонившись спиной к высокой двери… потому что вот оно. Это был момент, за которым он не мог и не хотел следовать за Императором. Он становился слишком снисходительным. Слишком прогрессивно. Пришло время вернуть Империю курс. Метод достижения этого был крайним - но тогда нельзя было использовать полумеры, чтобы повернуть курс Империи. Скайуокер научил его этому. Если бы он имел дело с этой… проблемой, это должно было быть управляемым способом, с конечной целью; восстановление истинной Империи.

Если бы линия наследования не была изменена - а Вез очень сомневался, что Скайуокер изменит это без уважительной причины, - тогда Мара Джейд была бы следующей в очереди на трон. Она тоже была сильной и напористой; у нее не было широты видения Люка, но тогда, возможно, это было неплохо - у нее не было бы желания превращать Империю в какие-то беззубые, неуправляемые развалины, всего в полшаге от анархии.

Джейд всегда была стойким империалистом, воспитанным с уважением к Империи и ее ценностям. О том, чтобы Вез выступил против Скайуокера, конечно, не могло быть и речи. Ему нужно было организовать ситуацию, которая не только привела бы Джейд к власти, но и в идеале прояснила бы для новой Императрицы, на какие глубины способно восстание, с которым Скайуокер так слепо намеревался вступить в переговоры, и оставить ее намерение преследовать. они с удвоенной силой уничтожили и восстание, и эти постоянно ухудшающиеся и подрывные законы раз и навсегда.

У него были контакты - по правде говоря, они были у него уже некоторое время - все, чего ему не хватало, это основы для движения вперед. Сегодня нынешний Император, несмотря на все ранние признаки обратного, доказал, что он непригоден для обладания этим титулом ... и, как стойкий империалист, долг Веза, его обязанность и его честь были поддерживать Империю, которую он так уважал. любой ценой . Ни один человек, независимо от его происхождения или статуса, не мог быть поставлен выше выживания Империи. Да, Императора следовало почитать ... но Империя ... Империя была священной. . . .

«Это были действия на императоре - он дал вам код , чтобы уничтожить завершенную Звезду Смерти - он сделал это из первых рук ?» "Да." - просто сказала Лея. «А теперь я спрашиваю вас, отнесу ли я все это в Совет?» Она наблюдала, как Таг Масса откинулся на спинку кресла и прижал руку ко рту, обдумывая все, что ей только что сказала Лея. Лея обнаружила, что затаив дыхание от того места, где она сидела, к столу в офисе Тэга, защитное стекло потускнело.

Хан сутулился в типичном кавалерском стиле в кресле у двери, хотя в его теле было врожденное напряжение, невысказанное волнение, когда он возился с застежками своего летного костюма, испытывая глубокое беспокойство. Лея знала, что он не хотел, чтобы она приходила; хотели сохранить это между собой. Но он был слишком большим и слишком важным, и Лее нужно было обсудить его с кем-то беспристрастным. Она выбрала Tag и уже знала, что это правильный выбор; шеф разведки уже знал, что Лея однажды встречалась с Люком, Взглянув на пустой автопамять перед собой, Лея подумала, что идея полагаться на свое собственное решение сейчас кажется совершенно невозможной; с наилучшими намерениями не делать этого, она знала, что была вовлечена лично - что ее втягивали, медленно и постепенно уговаривали внести какие-то эмоциональные вложения в ее продолжающиеся дискуссии с Императором.

Она больше не могла смотреть на это с беспристрастной, уравновешенной точки зрения, и она знала это, поэтому теперь она полагалась на совет тех, кому она доверяла, чтобы обеспечить необходимый ей баланс. Было ли это ограничение, ее неспособность принять решение или просто признание фактов? Следует ли ей следовать в этом собственному сердцу, или было слишком важно позволить личным чувствам взять верх? Задумавшись, Лея лениво рисовала на автопамяти, повторяя одно и то же изображение, один круг соединен с другим; не совсем верно - чегото не хватало.

Качая головой, она нацарапала их, и они удалили. Она обнаружила, что задается вопросом, что Император сделает в этой ситуации, и резко покачала головой, злясь на себя, что она даже подумала об этом! Или, возможно, нет; он скрепил свою Империю через все, что было брошено против нее Альянсом повстанцев - ее отец, она знала, сказал бы ей, что уважать врага не было ошибкой, а просто признанием более чем компетентного лидер. Разве нужно здоровое уважение к соперникам? Тэг покачала головой, губы плотно сузились. "Нет. В настоящее время я бы посоветовал не разглашать это публично, даже Совету. Я буду регистрировать события здесь в своей собственной документации, чтобы можно было подтвердить, что вы пришли ко мне с этим, но в нынешней атмосфере я бы посоветовал не сообщать Совету, что вы

встречались с Императором.

Если информация будет записана, вы можете изменить это решение в любое время без потери лица, потому что вы пришли ко мне и сообщили об этом, и я посоветовал против этого." «Даже такие умеренные, как генерал Рикан?» "Я бы сказал, что как только информация, имеющая отношение к этой теме, просочится в любой форме, вам будет трудно ее удержать, мэм. Я могу передумать завтра сам, когда у меня будет больше времени, чтобы обдумать последствия, но ... Нет. Прямо сейчас я бы посоветовал тебе держаться крепко ». Лея беспокойно вздохнула, вставая, чтобы пройтись по маленькому офису.

«Мне... неудобно скрывать это от Совета». «Я не вижу, что он выиграет в настоящее время, кроме дальнейшей дестабилизации». Лея знала, что это горькая правда; Совет уже был разорван борьбой противоборствующих фракций благодаря постоянным призывам Мадина к тому, что он эвфемистически назвал «более активной позицией». «Фактически, это могло быть скрытой целью Императора». Тег добавлен. "Тогда почему я говорю никому не рассказывать?" «Самый старый трюк в книге». Хан пожал плечами, откидываясь назад. «Если я скажу тебе думать о чем-нибудь, кроме таунтауна, о чем ты думаешь прямо сейчас?»

Лея прищурилась: «Думаю, мы уже немного прошли». "Хотя сработало, не так ли?" Хан ухмыльнулся. «Может быть», - уступила Лея. «Я просто не знаю, почему ты это говоришь». «Я не дурак, дружище... Лея, - сказал Хан, взглянув на Массу, - и я, черт возьми, не наивен. Я знаю, что Люк не тот ребенок, который ушел с Татуина девять лет назад - черт, он не мог были такие, даже если бы он остался с Альянсом - но это не значит, что он не искренен в этом ». «Возможно, нам следует посмотреть на то, что Император, а не мы, должны потерять, сделав это достоянием общественности». Тег предложил, всегда голос разума. «Глядя исключительно на это последнее действие, почему бы ему не стать достоянием общественности? У него есть причина, иначе он бы сделал это.

Почему бы не сделать это публично?» Хан вздохнул, задумавшись, хотя бы потому, что он знал, как это доставляло Лее беспокойство. «Хорошо ... потому что ... строительство стоило больших кредитов». «Нет... может быть...» Лея покачала головой, расхаживая, сцепив руки перед подбородком; это было слишком сложно! Ее поместили в положение, в котором она теперь двоилась, как мужчина, которому в глубине души она, возможно, даже хотела верить. Где закончились ее личные чувства и началась ее способность руководить? «У него должна быть причина, он ничего не делает без причины».

«Хорошо, - снова сказал Хан, - это расстроит его армию; у него есть что-то, что сделало бы их практически непобедимыми, и он поднимает и уничтожает это». Лея щелкнула пальцами по нему: «Точка! Плюс, он не хотел бы давать своим военным больше силы, чем они уже имеют. Он говорил это не раз, когда мы говорили, - что он им не доверяет». "Так что, если бы он дал это им, он бы фактически дал тому, кто контролировал это, власть удерживать его для выкупа или полностью свергнуть его, чего он никогда не сделал бы - но он не хотел бы, чтобы они знали что он им не доверял ". «Не хотела бы разжигать восстание», - согласилась Лея, кивая.

«Это могло быть засекречено как от его собственных вооруженных сил, так и от нас». «Он никогда бы не захотел использовать это сам, - очень уверенно добавил Хан, - но он никогда не хотел бы давать кому-либо еще возможность использовать это против себя». Тэг пожал плечами: «Возможно, чтобы завоевать ваше доверие - он будет знать не хуже нас, чтобы вы признались в этом сейчас, это было бы дестабилизирующим фактором в вашем собственном руководстве. Если бы он избавил вас от бремени признания любого из этого публично. , тогда его намерения останутся неизменными - действительно ли он пытается вам помочь? " «Возможно, ему просто нужны доказательства того, что он может тебе доверять», - сказал Хан

нейтральным голосом.

«Он просил вас никому об этом не рассказывать». Лея нахмурилась, собираясь спросить, зачем ему понадобилась Лея, чтобы доказать свою надежность, но затем поняла, что она уже сказала Тагу. Глаза Хана, все еще смотрящие на нее, тоже напомнили ей о более широкой картине; что именно она принесла доказательство происхождения Люка семь лет назад. Но почему она должна чувствовать себя виноватой из-за того, что раскрыла шпиона ?! Тэг покачала головой: «Это все догадки и предположения. Даже если бы мы коснулись правды, мы бы не узнали». «Вы можете спросить его», - пожал плечами Хан, и обе женщины повернулись к нему и уставились на него. "Что - когда он в последний раз солгал тебе?" "Я не знаю!" Лея воскликнула: "В том-то и дело!"

«Нет, дело не в этом». - сказал Хан, глядя на Лею. «Дело в том, признаетесь ли вы в этом публично или нет, он все же сделал жест... мой вопрос, что вы собираетесь делать в ответ?» "Что вы имеете в виду?" «Вы сказали, что он сделал это, чтобы доказать свои намерения, верно? По моим подсчетам, это означает, что теперь ваша очередь». Лея остановилась, шагая по маленькому офису; конечно он был прав; могла ли она позволить себе не упустить шанс - если бы она не отреагировала на это, Лея всегда в частном порядке задавалась вопросом, не была ли она из-за собственных подозрений тем, кто упустил первую реальную возможность продвинуться вперед. почти три десятилетия. Tagged слегка приподнялся, осторожным голосом. "Что именно он спрашивал?"

«Уменьшение боевых действий», - сказала Лея. «Первый этап, который приведет к официальным переговорам». Масса понимающе кивнул: «Вот почему он прервал атаку на Фондор». "Это то, что он сказал." Лея подтвердила. Тэг кивнул, имея более твердую почву здесь, зная, каким должен быть ее ответ. «Я думаю, что это разумный аргумент для Совета, основанный исключительно на действиях Империи. Если вы намереваетесь сделать этот жест в качестве прелюдии к переговорам, то вам рано или поздно придется сдерживать военные реакции Альянса, и люди начнут задавать вопросы. Лучше быть активным, чем реагировать ".

Хан еще больше ссутулился в своем кресле: «Что ж, это будет веселый день. Прямо там, наверху, вычищая волосы Чуи из воздухообмена« Сокола »». Лея криво улыбнулась Хану и вздохнула, хотя это не уменьшило напряжения в ее обученных мускулах. «Спасибо, от этого мне намного лучше». . . . "Простите, ваше высочество, не могли бы вы это повторить?" Это говорило о том, что вопрос задал Акбар, командующий флотом Леи и ее стойкий сторонник. «Я рекомендую нам ослабить военные действия против Империи на испытательный срок», - повторила Лея. «Как часть более широкой стратегии». "А эта стратегия была бы?" - спросил командир Одиг.

Одна из верховных командующих союзников, сформировавших Совет Альянса, и недавно поддерживавшая более агрессивную позицию Мадина, она составляла треть оппозиции, которую Лея, как ожидала, будет протестовать против этого предложения. Как и генерал Верт, Одиг всегда склонялся к более военной перспективе, но именно способность Мадин сыграть на том, что укрепило ее позицию и дало ему необходимую поддержку, чтобы эффективно оспорить любое умеренное предложение. «Я считаю, что действия, предпринятые Империей на верфях Фондора, являются явным невысказанным призывом к уменьшению боевых действий, а может быть, даже предвестником начала переговоров», - сказала Лея. «Я посоветовался с Intel по этому поводу, и есть множество файлов, относящихся к событиям дня. Ясно, что сам Император присутствовал, и поэтому мы должны признать, что действия, предпринятые в тот день, несомненно, были его командованием.

.Если вы проверите допросы присутствующих пилотов, вы заметите, что до прибытия Патриота

Звездные Разрушители вели серьезную атаку ». «Вы также заметите в этих отчетах, что, когда Патриот прибыл, он произвел заряд DEMP, который вывел из строя более пятидесяти истребителей». - возразил Мадин. «Патриот не стал атаковать дальше, потому что в этом не было необходимости, мэм. Он выиграл тот конкретный бой». «Да, это было.

Потом он сразу же связался с нами и позволил забрать наших пилотов. Людей, которых он мог бы легко оставить умирать». Лея оглядела большой круглый стол, высоко подняв подбородок, и голос был очень уверенным, ни тени сомнения не было видно перед этой самой проницательной публикой. «Это была беспрецедентная акция. Нам сообщили, господа. Нам недвусмысленно показали, что все предыдущие предположения устарели. Мы увидели добросовестный акт доброй воли». «Я бы сказал вам, мэм, что сообщение, которое нам показали, было посланием доминирования и насмешек». "В сохранении жизней?" «Если бы они хотели сохранить жизни, мэм, они бы не начали свою атаку. Мы потеряли шесть пилотов на ранних этапах нашего отступления». Верт замолчал.

«Вы всерьез ожидаете, что они не ответят на военное нападение на суверенную территорию? Если мы оглянемся на последнее десятилетие, наша история - это история военной эскалации Генерал - какой реакции мы можем ожидать? Действительно ли это было намерением тех политических корифеев кто первым сформировал Альянс? И снова я повторяю, генерал Верт, что атака была приостановлена, когда Патриот вступил в бой ". "Потому что битва фактически окончена!" - сказал Мадин.

«Как часто у человека появляется возможность сократить войну?» - сказала Лея, пытаясь под другим углом. "Как часто можно сделать такое без дальнейших потерь жизни - просто изменив отношение - наша готовность судить заменена готовностью слушать. Рискнуть. Сделать шаг, который на самом деле приблизит нас в соответствии с первоначальными идеалами Альянса. Первый шаг был сделан, господа, и не нами - нам ничего не стоит, кроме терпения ждать и наблюдать за исходом прекращения боевых действий - и он может принести нам такую огромную пользу. много ". Стол погрузился в тишину, и Лея знала, что она достигла по крайней мере некоторых из сидящих там. Но не все.

«Это убедительные слова, мэм, хотя и немного наивно». - искусно сказал Мадин. «Возможно, мне следует пригласить напарников лейтенантов Раскина и Ферола, оба из которых умерли на этой неделе при действительной военной службе, и вы могли бы сказать им об этом. Возможно, я мог бы запросить у Intel список сторонников Альянса, которые просто пропали ... пропали без вести на этой неделе Возможно, мне следует передать ваше послание жителям Беттока и Талласо или Кашиика и Фислана, которые все еще стонут под гнетом невольной и жестокой имперской оккупации ». «Я не говорил, что это конец имперской практике, генерал. Я сказал, что это была возможность начать переговоры - начать эту трансформацию». «Если они хотели поговорить, значит, мы были здесь ». Генерал Верт сказал, всегда был одним из сторонников Мадина.

«Все, что им нужно было сделать, это открыть канал». "А вы бы послушали, генерал?" - спросила Лея. «Вы бы рассмотрели любое предложение, сделанное с такой же открытостью, как вы рассматриваете это обсуждение сегодня?» Двойное значение не потерялось для него, и Верт замолчал, сузив губы. «Это был единичный случай». - сказал Мадин. «Вы хотите, чтобы мы радикально изменили курс политики Североатлантического союза только в этом?» На короткую секунду Лея подумала, что искушение рассказать им все подавляло. Что бы они сказали? Что Мадин и его соратники сказали бы о том факте, что их собственный начальник штаба уже дважды разговаривал с самим Императором лицом к лицу ?! Она слегка наклонилась, прекрасно понимая, что они скажут; они, вероятно, сделают хорошую попытку привлечь ее к суду.

"Это не делает действие или его намерение недействительным Генерал, особенно с учетом его источника. Каждое путешествие должно начинаться с одного шага. Я искренне верю, что это было испытанием воды ... неужели мы так настроены на свои пути, что мы не в состоянии ответить? Разве мы не лучше тех, кто в Империи, которую мы сейчас призываем, отстаивать ее собственные узкие взгляды? " «Если бы это было правдой, то именно те действия, которые вы хотите прекратить, вынудили Империю к этому моменту, мэм». "Мы уверены в этом, генерал?" Это был Таг Масса, Сила, спасибо ей, который наконец высказался в защиту Леи. «Есть ли у нас какие-либо фактические доказательства? Насколько мне известно, в нашей недавней политике не было никаких изменений, которые вызвали бы такую реакцию, и не было никаких заметных изменений в основной эффективности Империи. Если у вас есть данные, о которых я не знаю...? "

«Я говорю об истощении». «Как я сказал, в основной структуре Империи не было никаких измеримых изменений, которые указывали бы на такую теорию». "Тогда чему мы приписываем это действие?" - спросил Акбар, его стеклянные глаза обратились к Лее. Она поджала губы; если она сделает это сейчас - если она произнесет его имя - она фактически связала свою судьбу с мужчиной, которого объявила своим противником. И снова Таг пришел ей на помощь, спасая Лею от нежелательных ассоциаций. «Если бы я связал это с одним фактором, адмирал, то это была бы смена руководства».

"Конечно?" - сказал командующий Верт. «Тогда он, кажется, не торопился, чтобы принять это решение». «Я предполагаю, что новому Императору нужно было навести порядок в своем собственном доме, прежде чем он сделает какие-либо такие великие жесты, коммандер Верт». Тэг ответил легко, не поднимая глаз, и Лея снова восхитилась ее безошибочной способностью поддерживать Лею и при этом оставаться полностью нейтральной, а ее профессиональная репутация не запятнана. «Учитывая изменения в Императорских указах, внесенные в течение нескольких дней после его прихода к власти, я очень сомневаюсь, что это внезапная перемена в настроениях». «Это предположение, командир», - отрезал Мадин.

«Скажите, это сделано на основе тщательной оценки имеющихся разведданных... или это просто предположение?» «Простите меня, генерал, но, судя по обсуждению до сих пор, я не знал, что все, что мы принесли к этому столу, должно быть подтверждено эмпирическими свидетельствами». "Должен ли я воспринимать это как отказ?" «Нет, сэр, это не подтверждено доказательствами», - невозмутимо сказал Тэг. «Это просто очевидно». «Итак - простите меня, если я повторюсь, но я хотел бы прояснить это - вы хотите, чтобы мы прекратили военные действия на основе этого единственного события?» «Благодарю вас, генерал Мадин, - сухо сказал генерал Рикан, - я думаю, вы очень ясно выразились ».

Еще один уравновешенный голос добавил к схватке, Лея улыбнулась; его повышение по обоюдному согласию с командующего сектором до военного министра помешало Мадину сыграть эту роль. Он не особо искал эту должность, но принял ее, зная, что, поступив так, он купил Лее более непредубежденный и менее ориентированный на военный совет Совет, который ей нужен, чтобы противостоять планам Мадина. «Простите меня, но боюсь, что нет, генерал». - горячо сказала Мадин. «Потому что мы все еще рассматриваем вопрос о прекращении тех самых военных действий, которые явно привели к колебаниям Империи.

Я бы сказал, что нашим ответом на это развитие событий должно быть усиление вторжений». Лея поднялась: «Могу я напомнить вам, сэр, что это не военная организация; это политическая организация, вынужденная занять военную позицию, и я не буду тем, кто низводит Альянс от его политической родословной до хунты. " «А что бы нам делать, мэм - говорить Империю в подчинение?» «Вы бы предпочли бросить в него жизни, генерал?

Вы бы предпочли калечить и убивать по обе стороны водораздела во имя свободы, когда ваш противник предлагает бескровное перемирие? Неужели мы все так слепо погрязли в этом конфликте?» Лица за столом повернулись вниз, никто не говорил. «С уважением, мэм, вы просите членов Совета принять решение, которое изменит направление движения Альянса без предупреждения или надлежащего обсуждения». Командир Одиг говорила спокойно и рассудительно, хотя Лея знала, что она просто пытается выиграть время, чтобы Мадин пришла в себя. Он часто полагался на ее многолетний опыт работы в Совете, чтобы купить ему доверие и необходимые правила. И он определенно не замедлил последовать ее примеру сегодня;

«В этих обстоятельствах я бы предложил, чтобы у Совета был четырехнедельный перерыв, чтобы подготовить свои дела для дальнейшего обсуждения». Риекан выпрямился, когда Лея повернулась к Мадин. «Мы обсуждаем это сейчас, генерал». "Действительно, мэм, однако я уверен, что говорю от имени всех на этой встрече, когда признаю, что чувствую себя здесь в каком-то невыгодном положении. Было бы самым ... неконституционным проталкивать важный стратегический прецедент на таких условиях, не так ли? вы не согласны? " Лея побледнела от возмутительных временных рамок, осознавая, что Мадин играл с принципами демократии, как он играл с любым другим военным соглашением, но также осознавая, что в принципе он был прав; она не имела права навязывать решение присутствующим сегодня, когда у них не было времени обдумать факты ... но месяц?

"А тем временем?" «А пока я бы посоветовал вам сделать то же самое при подготовке к расширенным дебатам, мэм - или вы ожидаете, что мы кардинально изменим политику Североатлантического союза по результатам одной встречи? Я уверен, что говорю от имени всем присутствующим, когда я говорю, что это развитие событий, мягко говоря, неожиданно. Возможно, когда мы немного подготовимся, мы сможем лучше обсудить это откровенно экстраординарное предложение. А пока я считаю, что мы должны очень внимательно рассмотреть ваши требования - и наши собственные принципы и совесть по отношению ко всем тем, кто отдал свою жизнь в этом конфликте ».

О, Лея знала, что он слишком хорош в этом; разделительные слова, обвинения и прошлые обиды были рассеяны по соображениям присутствующих и оставлены гноиться. И она чертовски хорошо знала, что в перерыве он действительно приведёт в порядок свои собственные аргументы, а также будет искать любую поддержку, которую сможет вызвать, используя любую возникшую неуверенность, чтобы укрепить свою собственную поддержку.

И он ясно дал понять всем, что возвращение к этой теме было лишь началом дискуссии - еще одной тактикой проволочек. Лея прекрасно понимала, что Мадин стал магнитом для всех фанатиков и радикалов, чье существование стало скорее побуждением навредить Империи, чем способствовать любому возможному миру; Таг Масса не раз предупреждал, что Мадин играет в свои собственные маленькие силовые игры, хотя она отвергла утверждения Хана о том, что Мадин был на грани создания раскола в Альянсе.

Тем не менее, Лея внезапно осознала, что ее действия сегодня только ослабили ее положение; что не означало, что она считала их неверными - никто не говорил, что курс демократии гладкий - но она остро осознавала трения и разногласия, которые мог вызвать один честолюбивый человек в ее собственном Совете. «Очень хорошо. Я предлагаю перерыв в три недели, в течение которых мы все сможем взглянуть на более широкую картину, как вы говорите, генерал Мадин, не привязывая себя к прошлому, или обидам и предрассудкам, которые порождаются подобными вещами». Она встала, намеренно встречаясь глазами с каждым присутствующим, желая, чтобы они запомнили ее слова, осознали значение своего решения. «У нас есть возможность здесь, как никогда раньше, господа», - пылко сказала Лея, вызывая слова из далекого воспоминания.

«Для нас недостаточно иметь цель - мы должны найти путь, чтобы попасть туда, чтобы всех достичь. И если мы увидим это, где бы он ни был, мы должны схватить его обеими руками ... потому что он может никогда не наступить очередной раз." И только когда комната опустела и она осталась одна, недоумевая своим словам, Лея поняла, откуда они пришли. .

С коротким тихим стуком высокие двустворчатые двери кабинета Люка в обширном Кабинете, который теперь колеблется на девяти полных этажах Южной башни, но все еще почти не содержит основных административных учреждений, бесшумно распахнулись. Отвернувшись от длинной группы чипов памяти, чьи бледно-голубые иглы освещали всю стену, Люк кивнул нервному Турису, который неуклюже поклонился, с легкой дрожью в голосе, когда он объявил о Тэлон Каррде.

Люк подумал, что ему действительно нужно было что-то сделать, чтобы успокоить молодого человека; орлиный Каррде, вероятно, подумал, что Люк превратил его жизнь в ад, потому что Турис так нервничал каждый раз, когда входил в присутствие Люка. Наемник натянул лук, входя, его обычное сухое, сдержанное поведение не могло скрыть всепоглощающую решимость, которая прорывалась через Люк взял бутылку бренди, сразу узнав этикетку, хотя Каррде все равно дал свои объяснения. "Это Руусан. Двести лет. Я все угрожал принести тебе кое-что, и я думаю ... ну, поскольку до твоей свадьбы всего несколько недель, это может быть твоей последней возможностью побаловать себя небольшой независимой рекомендацией. С этого момента, вы можете обнаружить, что ваш винный шкаф - одна из многих вещей, устроенных по мнению вашей жены ".

Император имел благодать и благосклонно кивнул, но Каррде знал его слишком хорошо; знал этот след легкого дискомфорта, который ожесточил его юношеское лицо и заставил его замолчать, сделав тонкие морщинки в уголках этих несовместимых глаз. "Это политический брак, не так ли?" - понял Каррде, внезапно почувствовав себя очень наивным, чтобы думать иначе. Когда Император не ответил, он сухо добавил: «Не волнуйтесь, вы можете оставить бренди себе в любом случае». Люк позволил себе легкий неудобный смех, когда он быстро отошел от проницательного взгляда наемника на безукоризненно отполированную инкрустированную янтарем консоль из тиса в задней части большой комнаты. «Может, сейчас открою... на всякий случай». «Тогда это так», - сказал Каррде.

«Не могу сказать, что я полностью удивлен. По слухам, всегда казалось, что ты с совершенно другим партнером». Люк не повернулся: «Что это за мельницы слухов? Невидимый, Каррде слегка наклонил голову, глядя в спину Императора. «Не, кто, а какие?» Люк пожал плечами, внимательно разливая бренди. «Люди всегда говорят, это невозможно остановить. Я лучше знаю, как это происходит, чем то, что они говорят. В любом случае, ты знаешь, что никогда нельзя доверять этим вещам». «Честно говоря, это моя собственная небольшая теория, от которой я никогда не отказывался», - заверил Каррде. «Никто, конечно, никогда не говорил этого прямо, я только что прочитал между строк, но ...»

"Продолжать?" Император повернулся и пошел к нему. Каррде казалось, что он вырос в своей роли за последний год, и теперь он представляет собой картину сдержанного спокойствия, несмотря на его молодость. На самом деле, чем сложнее ситуация, тем более безупречный образ создавал Император ... насколько же тогда это был оборонительный фасад, подумал Каррде.

Хотя вряд ли он мог его винить; по мере того, как их предварительные рабочие отношения ослабли и уладились, Каррде не раз видел краткие, подавленные взгляды молодого человека, который сильно расходился не только с жесткой формальной пышностью, которая здесь казалась укоренившейся, но и с ограничениями. что жизнь на вершине груды обрушилась на

человека, известного своим активным военным послужным списком. Каррде ненадолго задался вопросом, правдивы ли слухи о том, что Император все еще время от времени ускользает от своих телохранителей и предается мелочам; Тем не менее, до этого уверенного выжидательного взгляда контрабандист все же обнаружил, что не решается сказать это; «Я всегда представлял тебя с ловкой рыженькой... или я ошибался?» «У вас яркое воображение», - сказал Император, протягивая Каррде рюмку с бренди, не говоря больше.

Каррде пожал плечами: «Она больше походила на тебя. Хотя я тоже не могу винить твой выбор в Д'Арке - с чисто эстетической точки зрения, ты понимаешь». Император искоса взглянул на него, предупреждая, и, хотя это было снисходительно, у Каррде сложилось отчетливое впечатление, что он катается на самом краю принятого приличия. «По крайней мере, скажи мне, что ты ее знаешь», «Так же хорошо, как я знаю многих, хотя в наши дни это тоже кажется неуместным.

Скорее всего, я знаю крота в моем Дворце... Я, вероятно, очень близок с ним, учитывая информацию, к которой он получил доступ». Глаза Каррде сузились, упуская из виду аккуратную смену направления под интригующим предметом. "Вы знаете, кто это, не так ли?" Император посмотрел на Каррде острыми несовпадающими глазами, выражение его лица было как никогда непостижимым. «Если бы я знал, кто это был, как вы думаете, я бы позволил этому продолжаться?» «С тобой я никогда не узнаю», - возразил Каррде, и двое мужчин обменялись короткими веселыми взглядами. «Признаков трассирующего вируса еще нет?»

Не зная, где была утечка в то время, трассирующая программа, которую использовал Люк, была сгенерирована резаком Каррде в Генте, а не отделом Имперской разведки, в попытке скрыть ее существование от всего старшего персонала Люка. Но Люк позаботился о том, чтобы даже Каррде понятия не имел, к какому документу был подключен трассировщик. «Нет, еще нет. Это должно быть где-то в закрытой системе».

«Это означает, что тот, у кого он сейчас есть, не пытается передать его дальше». Люк покачал головой: . " «Я кое-что слышал», - неуверенно сказал Каррде. «Возможно, это неправда, поскольку у меня нет доказательств, но один из моих людей слышал, что маршрут вашего суперзвездного разрушителя на следующие три месяца находится в руках повстанцев...» "Это с Альянсом?" "Да." Каррде смотрел, как сжались челюсти Императора, раздражение горело опасно близко к поверхности, когда он посмотрел вниз и задумался.

"Вы знаете, у кого именно это есть?" «Нет. Как я уже сказал, я получил это только потому, что кто-то подслушал подробности этого в разговоре на крейсере повстанцев». "Знают ли они, от кого они это слышали?" «Нет. Они были там всего несколько часов». Люк нейтральным голосом поднял глаза: - Отбросить? «Да - и прежде чем вы спросите, нет, это не был один из моих людей. Это просто было передано». «Если вы получите что-то еще - что-нибудь вообще - дайте мне знать. Я хочу знать, кто получил эту информацию».

«Конечно. У меня есть еще один самородок - я недавно упомянул, что по всем каналам запрашивалась информация об определенном SSD Executor». "Продолжать?" «Я сделал несколько запросов. Им нужны планы... точнее, им нужны планы модернизации изолятора временного содержания, которая была произведена семь лет назад». "Отсек заключения?" «Там, как мне сообщили, была построена специализированная камера содержания». "Ах." - сказал Люк, кивая. Глаза Каррде сузились; это было в новинку для него, хотя ясно, что Император был знаком с ним. "Вы знали об этом?" "Да." Теперь у Императора был настороженный взгляд, который Каррде научился интерпретировать так: «Я дам вам именно ту информацию, которая, по моему мнению, может вам понадобиться, но это еще не половина дела» .

«Они ищут схему усиленной двустенной камеры, предназначенной для размещения джедая». Каррде знал, что на самом деле это не требует дополнительных объяснений; в данном случае для джедаев читайте ситх . «Поэтому они хотят, чтобы планы дублировали это». Каррде ждал реакции, вспышки возмущения, но этого не произошло. "Они существуют?" Теперь Император казался задумчивым, погруженным в свои мысли.

«Где-то, наверное. Я уверен, что смогу дноуглубить установку, прикрепить копию трассера и оставить их, чтобы их нашли; посмотрим, клюнет ли наш дворецкий крот». «Я подумал, что, возможно, я все равно смогу получить от вас набор ложных планов - чтото, что выглядит так, как будто оно может быть подлинным и имеет все официальные печати. Если бы я мог связаться с покупателем, я мог бы получить для вас удостоверение личности».

Люк задумался; интересное предложение. Фактически, он мог использовать оба; дать Каррде набор планов и позволить ему вступить в контакт, а затем позволить Рису вывести набор из дворца; если бы тот, с кем имел дело Каррде, затем отказался от дорогостоящей сделки, это означало бы, что тот же человек, который имел дело с Каррде, также был постоянным контактом Риса, что не только безвозвратно свяжет Риса с Альянсом, но даже даст Люку имя его контакт там. Он нахмурился, шрам вокруг его глаза натянулся от знакомого давления; но почему бы Reece, заядлый Imperial, когда - либо иметь дело с Альянсом? Всего три месяца назад, когда Люк впервые в частном порядке признал, что его короткие контакты могут перерасти в официальные переговоры, Вез был почти апоплексическим.

С тех пор ни один из них не упоминал об этом разговоре, но чувства Веза были кристально ясными ... Как же тогда маршрут, который, как знал Люк, продублировал Вез, оказался в руках мятежников? "Я могу предоставить набор фактических планов, но вам придется иметь дело с третьей стороной; я не хочу, чтобы ваша организация была реализована. Если она удалит информатор, я не хочу никаких шансов на отслеживание связь между вами и планами ". "Конечно." Каррде заколебался: «Мне нужно, чтобы хотя бы часть планов была незакодированной и действительной, чтобы их можно было передать на проверку». «Вы можете получить их все». Люк отпустил, все еще думая о Рисе. Каррде нахмурился:

«Вы не беспокоитесь, что они могут завладеть планами и на самом деле их построить?» "Не особенно." Отличительные глаза Императора встретились с Каррде, и в его словах была уверенность; не высокомерие или самодовольство, а просто тихое, самообладание - и, как всегда с Императором, это ставило гораздо больше вопросов, чем ответов. «Я мог бы вырваться из той же камеры сегодня менее чем за пять минут».

http://tl.rulate.ru/book/50172/1288185